

реликтами английского имперского менталитета, отличают отношение героини рассказа к Турции и её жителям. Героиня демонстрирует страх перед чужой культурой. В отличие от нее ее супруг не отвергает восточную культуру, ощущает интерес к ней и готовность к диалогу.

В рассказе «Ипохондрик» показано, как легкомысленно-пренебрежительное отношение врача-англичанина к неопределенным, лишённым конкретности жалобам молодого иммигранта приводит к трагедии. Оппозиция «свое – чужое» предстает в рассказе как противостояние антигуманного гуманному, преодолевая национальное, растворяя «английское» в общечеловеческом.

Для интерпретации фантастической новеллы «Часы» очень важен ее мультикультурный контекст. Герой рассказа, обладатель старинных часов, дарующих своему владельцу бессмертие, отдает часы, чтобы спасти жизнь новорожденного индийского мальчика. К ребенку возвращается жизнь, но часы останавливаются, исчерпав свою магию. В сюжете новеллы закодировано ощущение смерти старой Европы, возникновение нового мультикультурного пространства, за которым – будущее.

Таким образом, английскость выражена в рассказах Г. Свифта посредством ряда концептов, изучение которых позволяет выявить определенные закономерности отражения данного феномена в творчестве писателя, связанные с особенностями его мировосприятия.

Список литературы

1. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н. В. Володина. – М. : Флинта : Наука, 2010.
2. Swift G. Learning to swim and other stories / G. Swift. – L. : Pan books, 1985.

ОТ ПИСЬМА К «ЭПИСТОЛЯРНОМУ ДНЕВНИКУ»: ПО КНИГЕ В.П. АСТАФЬЕВА «НЕТ МНЕ ОТВЕТА...»

А.И. Смирнова

В статье выявляются основные «сюжетообразующие» линии в «эпистолярном дневнике» В.П. Астафьева «Нет мне ответа...» (Иркутск, 2009), в который вошли письма автора, создававшиеся на протяжении полувека.

In article there are allocated lines that “form a plot” in V.P. Astafiev’s “epistolary diary” which is called “There is no answer for me” (Irkutsk, 2009). It includes author’s letters which were created throughout half a century.

Ключевые слова: письмо, дневник, автор, сюжетообразующие линии, жанр.

Key words: letter, diary, author, form plot lines, genre.

После Второй мировой войны эпистолярная форма приобретает в отечественной литературе особое значение как непосредственное, подлинное, лирически насыщенное свидетельство. Любопытны жанровые трансформации эпистолярной прозы. Так, начиная со второй половины 1960-х гг. «появляются» тексты, которые изначально представляли собой реальную переписку, а потом были объявлены литературными произведениями. Такие сочинения возникают практически синхронно с возвращением интереса к собственно

эпистолярной литературе, то есть к фикциональной (являющейся "плодом авторского вымысла" – А. С.) переписке» [3, с. 23].

Современное литературоведение различает понятия «письмо как речевой жанр» и «письмо как композиционная форма речи в эпистолярной прозе». Теоретическим обоснованием подобного разграничения стала концепция М.М. Бахтина о речевых жанрах: «Каждое отдельное высказывание <...> индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» (курсив мой – А. С.) [2, с. 237]. К речевым жанрам, наряду с другими видами, ученый относит письмо «во всех его разнообразных формах» и выделяет первичные (простые) и вторичные (сложные) речевые жанры. Ко второму типу относятся «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.» [2, с. 239]. Первичные жанры, входящие в состав более сложных образований, «трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [2, с. 239].

Процесс трансформации письма как первичного речевого жанра в сложное «вторичное» жанровое образование нашел реализацию в произведениях 2000-х гг., основанных на реальной переписке: С. Довлатов – И. Ефимов «Эпистолярный роман» (2001), В. Астафьев – В. Курбатов «Крест бесконечный. Письма из глубины России» (2002), Н. Толстая «Письма из Москвы» (2006). В этом же ряду и «эпистолярный дневник» В.П. Астафьева «Нет мне ответа...» (Иркутск, 2009), в который вошли письма писателя за полвека (1952–2001 гг.).

Существует понятие «неавторского цикла», составителем которого является редактор или издатель. Нечто подобное происходит и в случае с астафьевской книгой писем, которая вышла спустя восемь лет после смерти автора и была составлена Геннадием Сапроновым, издавшим ее и определившим «жанровую» принадлежность («эпистолярный дневник»).

В заглавие книги вынесена итоговая строка из повествования в рассказах «Царь-рыба», она же вошла и в эпиграф, открывающий «эпистолярный дневник»: «Все течет, все изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

... Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа» (курсив мой – А. С.) [1, с. 11].

Исповедальность как неотъемлемое свойство дневниковой формы становится одной из сюжетобразующих линий книги «Нет мне ответа». Несколько сотен писем, расположенных в хронологическом порядке, по предельной искренности и обостренности восприятия происходящего вокруг являются подлинной исповедью писателя, без которой сегодня не понять его личности и творческого пути, не объяснить отношения к прошлому, к пережитому, к истории; не почувствовать его боли, которая, по-видимому, когда-то и подвигла к творчеству. Писательство для Астафьева – тяжелая работа, о чем он не устает повторять начинающим авторам: «<...> Литературу я ставлю на один шаг с тяжелейшей службой и мужской работой» (И. Соколовой, 1973) [1, с. 178]; «Я вообще изнашиваюсь сильно, когда работаю <...>» (В. Юровских, от 6 декабря 1973) [1, с. 179]. В другом письме, от 14 апреля 1978 г., тому же адресату о себе с горечью: «На износ живу» [1, с. 257]. 22 июня 1979 г., находясь на пароходе и путешествуя по Ангаре, в письме к

жене он признается ей: «Так никто и никогда не узнает, как, преодолевая свои недуги, я садился за стол и заставлял себя работать, и в кровь разбивал морду о стол. Вот почему я ненавижу всех, кому легко жилось и живется в писательстве, для меня сей труд был и остается каторгой» [1, с. 271]. Для Астафьева литературный труд – это мука и счастье, «каторга» и смысл жизни.

В одном из писем 1973 г. Астафьев заметил по поводу изложенных другими биографических сведений о его жизни: «А биографию надо писать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: "тяжелое детство", "солдат", "рабочий" и вот вам – писатель <...>» [1, с. 173]. Астафьевские письма, собранные воедино в «эпистолярный дневник», стали самой объемной биографией писателя с момента вхождения в литературу, по крупницам из года в год создававшейся им самим. *Автобиографическое начало*, присущее книге писем в целом, организует ее пространство.

Собранные под одной обложкой письма изнутри раскрывают личность писателя. В то же время, будь это традиционный дневник писателя, возможно, не было бы в нем столь широкого охвата событий, столь многогранного восприятия мира, продиктованных потребностью автора откликнуться на письма адресатов, разъяснить свою позицию, вновь вернуться к «болевым точкам» современности, высказаться о том, что в данный момент волнует, чем озабочен, над чем работает. Именно коммуникативный аспект писем определил их своеобразие: расположенные в хронологической последовательности, они вступили в диалогические отношения друг с другом.

В.П. Астафьев раскрывается в письмах как живой человек со своими индивидуальными чертами – внимательный и чуткий к людям, сердечный и благодарный, жесткий и резкий, не поступающий своим мнением и своей правдой; муж и семьянин, сын и отец, товарищ «по цеху», заботящийся о начинающих писателях, помогающий им опубликоваться; требовательный мастер, критикующий и помогающий, радующийся успехам других. В письмах речь идет о процессе создания будущих книг, запечатлено творческое напряжение, в котором постоянно пребывает автор. Он поглощен мыслями о своем труде, произведениях, находящихся в этот момент в работе: будь то создание рукописи, ее последующая доработка, перипетии, связанные с публикацией, требованиями цензурного порядка, переживаниями по поводу «прохождения» произведения. В письме В.Я. Курбатову от 14 июня 1976 г. о подготовке к публикации «Царь-рыбы» в журнале «Наш современник» В.П. Астафьев с горечью замечает: «<...>Потери в повести огромны, особенно досталось второму куску в пятом номере. Много нервов, много сил взяла эта "редактура", на душе было горько и пусто, недоумение брало – уж если это режут и порют, то что же тогда будет, если поплотнее навалиться на то, что называется правдой? Страшна она, матушка, ох страшна!» [1, с. 231].

На протяжении книги раскрывается творческий процесс автора, история создания многих его произведений – это еще один «сюжет» «эпистолярного дневника». Особенно подробно воспроизводится история создания романа о войне, замысел которого возник у Астафьева, по-видимому, по завершении повести «Пастух и пастушка», в процессе ее доработки. В одном из июньских писем 1974 г. И. Стрелковой, он упоминает о том, что у него «вчера написанный лежит второй уже год роман о войне» [1, с. 188]. Причем эта работа не дает писателю покоя, 9 августа того же года в письме А. Михайлову он вновь возвращается к роману: «Собираюсь всерьез и вплотную заняться военной темой после "Царь-рыбы"» [1, с. 189]. В декабре 1977 г. Астафьев де-

лится своими планами с артистом М.А. Ульяновым: «Сейчас я упорно готовлюсь писать о войне – с этой целью ездил в ГДР, в Польшу, на Украину, и снова отправляюсь в Киев. Я воевал на Украине, там дважды ранен <...>. О войне мне хочется писать по-своему, это трудно, но нужно» [1, с. 250].

«Эпистолярный дневник», хотя и выстроен в хронологической последовательности, отличается фрагментарностью, и тем отчетливее проявляется в нем главная мысль, владеющая автором на протяжении длительного времени: создать эпическое повествование о войне. В письме от 14 июля 1978 г., адресованном семье В. Потанина, Астафьев признается: «Я все думаю над трилогией о войне, она у меня уже обрисовалась, в общем-то, и на будущий год, жив буду, приступлю к этой невероятно трудной работе, и хватит мне ее, наверное, до конца дней моих» [1, с. 259]. Через три года, перебравшись из Вологды на постоянное место жительства к себе на родину, в Сибирь, Астафьев в коротеньком письме от 29 августа 1981 г., адресованном В.В. Воробьевой, упоминает и о романе: «В Сибири все еще устраиваюсь, но и помаленьку начинаю работать. Осенью надеюсь начать свой роман. О войне. Годы летят, а все кажется, что главная книга все еще не написана. Что она впереди» [1, с. 301].

Уже работая над романом, в письмах Астафьев делится планами, рассказывает о том, как продвигается его труд. «Избрал я для третьей книги самую простейшую, самую примитивную форму сказа от первого лица, ибо сам материал настолько обширен, страшен и уникален, что не нуждается в дополнительных инъекциях и ухищрениях. Первая и в особенности вторая книга будут по форме сложнее, особенно вторая» (В.Я. Курбатову, 22 августа 1983) [1, с. 327]. О важности для него начатого дела можно судить по письму, адресованному А.М. Борщаговскому: «<...> Написал за лето 500 машинописных страниц военного романа, к которому иду и шел всю жизнь <...>» (26 декабря 1983) [1, с. 330].

Однако работа над романом периодически прерывается то из-за «Печального детектива» (1985), новых рассказов-глав «Последнего поклона» и других произведений, то из-за многочисленных поездок, писательских «представительских» и прочих обязанностей, то из-за домашних забот и семейных горестей. В письмах вновь заходит речь о романе уже в конце 80-х гг.: автор сообщает В.А. Линнику, что «вторая и третья книга уже написаны» [1, с. 433], наконец, завершена работа и над первой (24 ноября 1989).

В связи с началом публикации в 1992 г. в «Новом мире» романа «Прокляты и убиты» Астафьев сообщает Е.И. Носову: «В 10–11-м номерах "Нового мира" собираются печатать мою первую книгу романа ("Чёртова яма" – А. С.), готовлюсь ко второй и вижу, какая "легкая" была первая. Одолею ли? Надел сам на себя хомут и тащу на стертой шее» (август 1992). В связи с публикацией второй части романа «Плацдарм» (Новый мир. 1994. № 10–12) в ноябрьском письме Курбатову автор жалуется, что никакой радости от этого не испытывает, так как «пришлось сокращать семь листов, резать по живому» [1, с. 546].

В книге «Нет мне ответа...» представлено множество фактов, раскрывающих творческий процесс писателя: поиск одного единственного слова, звука, точной детали, нужного образа. Живя проблемами литературного сообщества и принимая активное участие в литературной жизни, заботясь о семье и болея душой за нее и свою многочисленную родню, тоскуя по малой родине, Астафьев постоянно стремится удалиться в деревню, остаться в одиночестве, чтобы писать. «Скорее бы в деревню! Единственное место, где я

еще чувствую себя человеком, и входит в меня успокоение и наслаждение одиночеством» (из апрельского письма 1976 г. В.Г. Распутину) [1, с. 231].

Мотив творческого напряжения, в котором постоянно пребывает автор, является сквозным в книге. Астафьеву, по-видимому, тесно в рамках определенного жанрового канона, в границах художественного произведения, может быть, поэтому он в лучших отечественных традициях эпистолярного жанра пишет пространные письма – очень разные по характеру изъясления чувств (в зависимости от адресата), – в которых его способность живописать отчетливо проявляет себя.

У бывшего фронтовика Астафьева особое отношение к войне, не случайно, одну из сюжетообразующих линий в «эпистолярном дневнике» составляет авторское осмысление и восприятие войны. Тема войны раскрывается в письмах многими гранями: в фактах биографии, в сведениях об однополчаных, в особом отношении автора к ним и к писателям-фронтовикам, в оценке работ историков и литературных произведений о войне, в воспоминаниях о ней, в изложении творческой истории военных повестей, в раздумьях об итоговом романе «Прокляты и убиты».

«Эпистолярный дневник» Астафьева, создававшийся на протяжении полувека, запечатлел не только хронику жизни писателя в этот период, его взаимоотношения с близкими людьми и литературным окружением, особенности творческого процесса, но и эволюцию взглядов автора, восприятие литературы, как современной, так и классической, размышления о ее будущем и о состоянии русского языка. В книге дан срез литературной жизни на протяжении полувека. С одной стороны, эта «сюжетная» линия могла бы восприниматься как закономерная в писательском дневнике, с другой стороны, реализуясь в книге писем, размышления о текущей литературе и оценка ее, высказывания о писателях XIX в., соотносятся с вопросами творческой биографии Астафьева, обеспечивая содержательное единство книги «Нет мне ответа...».

Прочитав рукопись повести прозаика и поэта В. Болохова, в адресованном ему февральском письме 1991 г. Астафьев дает повести резкую оценку: «Я считаю твою повесть антилитературой, и коли существует антижизнь, то и литература, ею рожденная, должна была явиться. И думаю, что половина читателей поймет антиязык литературы подобного рода. Ведь мы и сами не заметили, что более чем наполовину наш обиходный язык уже состоит из блатного сленга, косноязычия и сквернословия [1, с. 459]. «Антилитературе», «антикультуре» писатель противопоставляет «классическую русскую культуру и прежде всего литературу» – прозу Бунина, Тургенева, Гоголя, Пушкина, сравнивая ее с глотком «чистого воздуха».

Воспитанный на образцах русской литературы XIX в., хорошо знающий мировую классику, Астафьев в отношении к своему делу остается традиционалистом, не признает постмодернистских новаций. Этой литературе автор «эпистолярного дневника» отказывает в жизнеспособности: «Белокровие охватывает литературу, занимающуюся строительством "новых" направлений на прежнем месте и из уже давно отработанных материалов» [1, с. 632].

Астафьева волнует состояние современной литературы, проблемы ее развития. В 1990-е гг. его беспокоит ситуация с литературными периодическими изданиями, тревожит будущее журналов и альманахов. Писатель много внимания уделяет тяжелому положению культуры в провинции, резко негативно отзываясь в письмах о писательском съезде, состоявшемся в июле 1992 г.

«Эпистолярный дневник» изобилует оценками новых литературных произведений, появляющихся на страницах литературных журналов и альманахов. Астафьев радуется творческие удаче, чем он спешит поделиться со своими адресатами. В письмах выражается отношение автора к писателям-современникам, которое четко дифференцируется: от полного расположения к человеку до резко отрицательного. Так, почтительно и тепло Астафьев относится к С. Залыгину, Ю. Гончарову, Л. Леонову, А. Солженицыну, уважительно и по-доброму – к В. Быкову, И. Акулову, Н. Рубцову, Ю. Нагибину, Ю. Сбитневу, по-дружески, с нежностью – к Е. Носову, К. Воробьеву. К некоторым писателям его отношение со временем меняется: в 90-е гг. Астафьев пристрастно критически воспринимает творческую позицию В. Распутина, В. Белова, Ю. Бондарева, негативно отзываясь о С. Есине.

В последнее десятилетие прошлого века автора «эпистолярного дневника» многое не устраивает в отечественной литературе, о чем свидетельствуют и письма, хотя в них доминирует оценка общественно-политической ситуации, нежели литературной. Несмотря на то что Астафьев резко не приемлет коммунистов, постоянно говорит о зле, которое принес большевизм, о вреде, нанесенном великой русской литературе соцреализмом, он сам остается в той системе «координат», которая сформировала его как художника-реалиста. Свободно мыслящий, не признающий идеологически выверенных авторитетных мнений, резкий в суждениях и оценках, Астафьев, прежде всего, полагается на свой эстетический вкус, собственный духовный и жизненный опыт, не желая разбираться в «новой» литературе, не доверяя «молодой» критике. В основе эстетических взглядов писателя лежит убеждение в том, что художественная литература призвана воспитывать, воздействовать на жизнь, менять ее к лучшему. Так, в одном из писем 1995 г. автор сетует на то, что не пишется и одолевают «мысли о беспомощности своего дела»: «Вопрос, задаваемый не только мной самому себе: "Книжек-то вон сколько, а сделали они людей лучше?". Надежда только на Бога и на время...» [1, с. 573].

Письма свидетельствуют о том, как близко к сердцу принимает Астафьев все происходящее в стране в 90-е гг.: «Что-то будет? Уцелеет ли Россия, и мы вместе с нею?» [1, с. 444], – так заканчивается одно из его майских писем 1990 г.

Материал книги «Нет мне ответа...» чрезвычайно насыщен, уникален и значителен. Астафьевские письма, расположенные в хронологической последовательности и объединенные в единое целое, в совокупности составили масштабное жанровое образование – «эпистолярный дневник». «Мозаика» писем организуется хронологически и «сюжетно» – личностью и биографией автора, раскрытием творческого процесса и восприятия литературы, осмыслением прошлого (прежде всего, войны) и настоящего.

Книга писем В.П. Астафьева представляет собой новую форму эпистолярного повествования, наиболее близкую к писательскому дневнику, явившуюся результатом процесса трансформации первичного речевого жанра письма в сложное «вторичное» жанровое образование, позволившее автору запечатлеть жизнь духа на фоне исторической действительности второй половины XX в.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев ; сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.
3. Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: Эволюция жанра и художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Логунова. – М., 2011. – 46 с.